

**ЕВГЕНИЙ
ИОСИФОВИЧ
ЛЕГЧЕНКОВ**

**Работает на предприятии с 1968 г.
– Зам. начальника цеха, начальник
цеха, зам. генерального директо-
ра, главный инженер.**

После создания объединения ЛНПО «Электроавтоматика» при головном ОКБ, в которое вошли заводы ТЭМП и «Пирометр» с их филиалами, начался бурный рост объемов производства завода ТЭМП, на котором я работал в то время. Основной составляющей этого роста были прицельно-навигационные комплексы для разных самолетов и вертолетов. Важность этой продукции определяла повышенное внимание к заводу со стороны высокого военного и гражданского московского начальства. Принимать у себя такое нам было не стыдно. Стараниями Павла Алексеевича были созданы прекрасно оборудованные цеха, украшенные витражами, знаменитые «греческий зал» и «аквариум».

Эпизод, о котором я хочу рассказать, и произошел в «аквариуме» – зале бывшего клуба, переоборудованном под стендовый участок и украшенном витражами с подводной тематикой (изготовленными, кстати, промышленно-дизайнерской группой ОКБ). Вокруг одного из стендов сгрудилось полтора десятка высоких чинов и сопровождающих их лиц. Естественно, в сопровождении генерального директора. Я – молодой зам. начальника цеха – стоял в сторонке, разговоров не слушал, боясь пропустить знак начальника в случае необходимости что-нибудь экстренно устранить.

Вдруг чья-то тяжелая рука легла мне на плечо и голос Ефимова – а был он на голову выше меня ростом – прогудел прямо в ухо: «А тебя я к себе заберу». Как он подошел ко мне, я не заметил, но как отходил к группе гостей, уже потянувшихся к выходу с участка, смотрел открыв рот и не сразу сообразил, что пора его закрыть. Представить себе не мог, что «сам» Ефимов вообще знает о моем существовании.

Мы обсудили с Н. Г. Ивановым – будущим директором завода – происшествие (а как его еще можно было расценить?), ничего не поняли и через месяц забыли. А через три месяца меня перевели в ОКБ начальником цеха № 2.

Другой случай.

Рассматривая первый же квартальный план, я понял, что он вдвое превышает возможности цеха. Начальник производства (Д. Б. Баркан) с этим согласился, посетовал на невозможность прыгнуть выше головы и выделил обязательные позиции. Но прыгнуть хотелось, и за два месяца мы с тогдашним начальником ОТИЗ Ю. М. Александровым ввели в цехе сдельную оплату труда. Отдача увеличилась процентов на тридцать. Но и зарплата у отдельных рабочих приблизилась к 300, а у кого и 400 рублям. Кто постарше – поймет, что это такое.

После первой же зарплаты вызывают меня к генеральному. Второй раз в жизни, но первый был не по отношению ко мне, я увидел Павла Алексеевича во гневе: он стучал ладонью по столу так, что все, что на нем находилось, подлетало сантиметров на десять, брызгал слюной, сыпал обвинения в разбазаривании («понимаете ли») государственных средств и развращении рабочего класса...

Конечно, душа моя ушла ниже пяток, но, собрав волю в кулак, я, по окончании начальственного монолога, насколько мог спокойно доложил Павлу Алексеевичу о том, что введена в цехе сдельная оплата, что люди получили столько, сколько заработали, причем у одних зарплата выросла, у других уменьшилась, но все в пределах отведенного цеху фонда. Доложил о полученном эффекте.

– Ладно, смотрите не зарывайтесь, – буркнул генеральный и отпустил меня.

Позже Александров сознался, что предварительно шеф получил от него все разъяснения, а меня вызвал, чтобы глянуть, как держусь в трудных ситуациях.

Еще одно воспоминание.

Дружба Павла Алексеевича с легендарным министром Авиапрома П. В. Дементьевым была пищей для многих баек. Статистом одной из них мне довелось быть.

Часов в шесть вечера вызывает меня Ефимов и дает поручение отправить в командировку в Москву старшего мастера К. П. Петухова для ремонта домашнего телевизора у вышеозначенного министра. Я, естественно, сказал «будет сделано» и бегом в цех. Константин Павлович был еще на работе. Спрашиваю, где он научился так разбираться в телевизионной технике, что даже оказывает услуги министрам на дому.

– Какое там разбираться, – отвечает, – я вообще в телевизорах ни бум-бум.

И на мое недоумение рассказывает следующую историю.

Пару лет назад он во главе бригады из нескольких рабочих был в командировке в столице в одном из самолетных КБ (по-моему, у «Туполей») с заданием доработки или ремонта на месте наших изделий. В это же время в Москве был Ефимов. Во время беседы с Дементьевым Павел Алексеевич узнал, что у того дома отказал телевизор. Зная, что рядом «свои», и будучи уверен, что телевизор явно проще, чем навигационные системы, Павел Алексеевич пообещал министру, что все уладит, нашел по телефону Петухова, продиктовал ему адрес, по которому тот должен быть через два часа и отремонтировать агрегат.

Константин Павлович приехал и через полчаса бессистемного покачивания ламп и шевеления разъемов привел телевизор в рабочее состояние, заслужив чай у министра и уверенность в его мастерстве у Ефимова.

Через год министр уже сам попросил Павла Алексеевича приехать к нему того специалиста, который так здорово чинит телевизоры. И опять не посрамил «Электроавтоматику» старший мастер цеха № 2.

– Константин Павлович, а если не получится? — риторически спросил я и получил разумный ответ.

– А кто мне поверит, что я не разбираюсь в телевизорах?

Через день Петухов вернулся с победой (едва открыв крышку телевизора, он увидел отошедшую от ответной части колодку).

Но самое сильное впечатление от человечища, именуемого Ефимовым Павлом Алексеевичем, связано у меня с жилищным вопросом.

Не без ухищрений обзаведясь ордером на пользование десяти-метровой комнатой в коммунальной квартире, в которой кроме меня были прописаны жена и полуторагодовалый сын, а также справкой о беременности жены (со сроком, не допускающим изменения «статус кво»), я записался на прием к генеральному директору.

Прием Павел Алексеевич вел в присутствии председателя профкома Н. А. Васильева и первого зама Г. Н. Гурьева. Выслушав мой краткий доклад, кивнул Н. А. Васильеву:

– Надо помочь. – Тот что-то черкнул в блокноте.

Прием состоялся весной 1980 года, а в августе мы въехали в новую квартиру. И это при том, что государственное жилищное строительство было тогда приостановлено из-за подготовки спортивных объектов к Московской олимпиаде. Павел Алексеевич через обком партии выбил квартиры для нескольких остронуждающихся из кооперативных жилищных фондов.

После ухода Павла Алексеевича на пенсию сложилась традиция поздравлять его с днем рождения, приезжая на дачу, а в последние годы – в городскую квартиру с цветами и припасами, чтобы еще раз прикоснуться к истории отечественного приборостроения, общаясь с одним из его основателей, уважаемым и любимым нами человеком.

В его день рождения, как правило, стояла солнечная теплая погода. Такой она была и в 1997 году. Несмотря на духоту, Павел Алексеевич не снял парадного пиджака, на котором теснились знаки признания Родиной его заслуг перед ней.

Почувствовав на себе его задержавшийся взгляд, я чуть подался к нему, насколько позволял стол.

– Не могу вспомнить, кем я назначал тебя, когда ты был очень молодым?

– Начальником второго цеха, Павел Алексеевич. Из третьего, с ТЭМПа...

– А, помню, помню... На стенде я еще напугал тебя...

После ухода Павла Алексеевича из жизни сложилась традиция отмечать его день рождения, приезжая с цветами и припасами к месту его последнего пристанища, чтобы еще раз...